

Смертный и бессмертный барак

Мама сказала: «Ты помнишь то, что я уже — по старости — забываю».

Да, отчасти это правда. Но только отчасти. Длинная ее память — пронзительная. В деталях помнит, что и как было десятки лет назад. И все, что дальше напишу — это наши долгие разговоры за последние 20 лет.

Мама у меня старая. Красноперова Евгения Харитоновна. 89 лет. 1927 года рождения.

Изработанная до немогу. Вся изношенная-изношенная. Как ее любимые вещи. Нелюбимые лет 40 лежат в шкафах-комодах. Новые-новые. Ненадеванные. Больна очень.

Лечимся как можем только.

Но я ей пообещал, когда увидел сайт «Бессмертный барак», написать. Вот и пишу потихоньку. (Я в ФБ кусочками — под настроение — выкладывал; даже ТВ-2 (Томск) потом под впечатлением сюжет сделали. Но сейчас решил все историйки написать воедино — я их кожей помню, и не надо мне собирать по архивам).

Но поскольку я в навигации «бессмертного барака» разобраться, не могу (компьютерный идиот), то выкладываю в ФБ — для всех..

Но сначала исторический, так сказать, фон. На территорию нынешней Томской области в 1930-50- годах были высланы, по оценкам знакомых мне историков, вплотную занимавшихся темой, примерно 500 тысяч спецпереселенцев. (Для справки — сегодня численность населения Томской области составляет чуть больше одного миллиона человек). Тогда — Нарымский край Новосибирской области. Тогда — жуткая глухомань (да и сегодня глухомань, за исключением райцентров. Куда дороги проложили все же.). Болота. Одни из самых больших в мире — Васюганские. Зимой морозы лютые. Весной — наводнения. Летом — гнус нестерпимый. Большинство из сосланных умерли. Кто раньше. Кто позже. Кто более-менее по-человечески. А многие — ужасной смертью....

Я не буду пересказывать своими словами то, что сам не расследовал. Про жуткую трагедию острова Назино, где людей до трупоедства довели.

Выбросили в 1933-м на абсолютно голый остров посреди р. Обь несколько тысяч человек. И не кормили. Погибли, по оценкам, две тысячи человек. Не буду рассказывать подробно про Колпашевский Яр. Когда в канун 1 мая 1979 года Обь прихотливым течением смыла высокий берег в г. Колпашево и вскрыла штабелями уложенные и пересыпанные хлоркой тысячи тел расстрелянных на территории бывшей конторы НКВД. И как потом это захоронение винтами теплоходов размывали, молотя трупы в куски. И как топили с лодок уплывающих. Впрочем, немного не удержусь. Привел по случаю маму в Томский Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». Василий Ханевич, светлая душа и директор музея, рассказывает каким-то студентам как захоронение Обь вскрыла. Мама сидит себе на стульчике и ненароком мешает его лекции:

- Да мы-то знали, что там людей тыщами убивали.

Кто подробно интересуется — так это к Василию Антоновичу Ханевичу. Он лучше меня объяснит-расскажет. Или книги — светлая ему память — Вильгельма Генриховича Фаста прочитайте.

А я... Масенький пример. Году где-то в 1998-1999-м я работал в районной газете с эпическим названием «Земля Чаинская». Бывшая «За коммунизм!». Отвечал за освещение сельского хозяйства и криминал. И вот утром звонит мне знакомый опер: «Саш, тут труп обнаружили под Усть-Бакчаром (село повыше Подгорного по течению р. Чая — прим. А.К.). Мы выезжаем. Поедешь?». Кидаю в сумку блокнот и ручку. Докладываюсь редактору и мчусь к РОВД. Благо, что рядом. Сели в УАЗик. Водитель, два опера и я. По дороге опер объясняет: пошел рыбак на речку сети проверять, а там на берегу — голова человеческая; ну и нам звонить.

Приезжаем. Растерянный рыбак ведет на берег. Спрыгиваем с невысокого метра в три обрывчика на самый берег. Да — в глине-песке человеческий череп. Но именно череп. А не голова. Перепутали они с испугу, когда в РОВД звонили. Опера моментально оглядываются — а где остальное, река смыла? И я тоже оглядываюсь: мужики, говорю, а что в обрывчике виднеется? Подошли в упор: блин, говорит один, да это же шейный позвонок, это же могила. (После паводка обрывчик-то пообломился — вот и вскрыл). На метр от поверхности. Но сверху копать невозможно — деревья, толстые корни. Решили шурф долбить. Лопата одна — не собирались же копать. Да и не подсунуться вдвоем. Да и устаешь за три минуты — жара, гнус. И без лопаты мокрый.

Долбили шурф полдня. Достали весь скелет до последних фаланг пальцев рук и ног. Положили все в мешок. Едем назад — опера — вот же профдеформация - переживают: мол, типа вот «глухарь»-то, на нем же ни единой тряпочки не нашли — никаких зацепок. А я такой уже наслушавшийся от мамы и ряда соседей говорю им: да не переживайте; зуб даю, что никакого криминала, спецпереселенка это, умершая бог пойми когда (что женского пола по-дилетантски решили, потому что косточки такие тоненькие).

Ну, сдали мешок дежурняку. Протокол, понятное дело. РОВД потом в прокуратуру. Те — на экспертизу в Колпашево. Захожу через пару месяцев к помощнику прокурора: мол, что-то известно? «Да вот вчера как раз пришел ответ. Мужчина. Примерно 35 лет. Невысокого роста. Умер своей смертью. Примерно 60 лет назад. Видимо, от пеллагры — там такие характерные особенности. Криминала нет — дело закрыто».

Блин, я и сам понимаю уже, что закрыто. Не искать же на том свете тот конвой, что довел человека до крайней степени истощения. «Криминала нет»...

Вечером, не сдержавшись, маме рассказал. Она только вздохнула:

- Да знаешь сколько таких могил по берегам речек. На баржах же возили. Нам-то еще повезло — хоть на какое-то обжитое место привезли. А те, кого раньше выслали, люди говорят, вообще на голый мох выбрасывали. И они тот мох только и ели.

Вот такой исторический «фон».

А теперь только про одну семью. Про одного человека из 500 тысяч.

Так получилось, увы, что я, кажется, последний живой носитель этой жуткой и святой памяти. Так пусть другим останется. Да же?

Мамы барачная история началась примерно в самом начале июня 1941 года.

Впрочем, до этого предистория.

Жила-была в селе Драгонешты Сынжерейского района Молдавии большая семья. Харитон Афанасьевич Будяну. Дед мой, никогда мною не то что ни

виданный, но и погибший задолго-задолго до моего рождения. Жена его — Пелагея Константиновна. Тоже, как и дед, невиданная мной и тоже умершая задолго до моего рождения. Дети их жили. Старшие Афанасий и Константин (примерно 1917 и 1919 годов рождения) к началу событий уже отдельно, не в Драгонештах, жили. Первый — священник (насколько маму понял — уже рукоположен), второй на механика в Яссах учился. И успели не попасть в ссылку в Сибирь.

- Да мы, маленькие, их почти и не видели. Помню, что Константин в очках ходил.

А еще жили с родителями -были-работали-учились помоложе дети. Сергей (пр. 23 г.р), Ольга (пр. 25 г.р), Евгения (мама моя 27 г.р) и самый маленький Гриша (29 г.р).

Судя по воспоминаниям мамы вполне зажиточно жили. Дед имел не только рабочую, но и выездную лошадь.

- Запряжет в бричку, и поехал так быстро, что пыль стоит!

(А уж пыли в Драгонештах по моим детским воспоминаниям- офигеть)

Земли — главная тогда основа благосостояния — судя по всему, немало было. Уж не знаю сколько десятин, но сколько-то, 30-50. Нехило. Пшеницу сеяли. Кукурузу садили. Подсолнух. Еще там что-то. Сад большой со сливами-яблоками и еще чем-то.

- Под конец, помню, сою садили. Откуда взялась эта соя? Отец ее возил продавать. Сами не ели — невкусная. Как трава.

А работали сами. Мама до сих пор вспоминает как девчонкой по стерне босыми ногами — колко, память ног (!) — гусей пасла-сторожила.

- А еще масло постное давили. На окраине была, как это ее — олейна...

Так я впоследствии узнал, откуда есть название подсолнечного масла. Олейна на окраине молдавского села.

- А отец хотел, чтобы мы грамотными были. Поэтому старших братьев и отправил учиться. А мы с Ольгой учились в Бельцах в гимназии. У одних евреев на квартире жили. Хорошие люди. Муж с женой. И мама их — не помню кого. И дочери их. Фасоль часто варили...

Мне эта память мамы — про фасоль — не передать эмоций. Потому что с трудом представляю. Потому что, запрыгивая вперед, - «Мы же тут (в ссылке — прим. А.К.) только мерзлую картошку и гнилую капусту ели».

- А потом русские наступили. Заняли Молдавию. Помню, как румыны бежали по пыли босыми от них. А у нас две собаки были, залаяли — так их русские сразу пристрелили. А что с евреями теми стало — не знаю.

Плачет.

- А потом отец — он умным был — Агафью (это еще одна старшая сестра мамы — прим. А.К) выдал замуж. И ее не сослали, как нас. А в день свадьбы отца утром в сельсовет забрали. Сваты приходят, а мама им говорит: «Да какая тут свадьба — так забирайте».

Отпустили на следующий день Харитона Афанасьевича.

Ненадолго.

Перед этим отобрали все, что только можно. Все запасы.

Но ужас начался потом.

В ночь где-то в начале июня 1941 пришли и всех забрали. Везли как животных.

В теплушках. Ни поесть, ни посрать (извиняюсь за слово, но это правда).

- А потом где-то, как говорят, под Свердловском, мужиков отсоединили. Сказали, что они нам квартиры поехали искать. До сих пор ищут... Там фельдшер один выжил. Так он мне потом тайком рассказал, что их в ров ссыпали и трактором закапывали.

Довезли моих, тогда еще оставшихся живыми, к осени 41-го до села Рямовое. Нынешний Чаинский район Томской области. Поселочек рядом с нынешним райцентром Подгорное. А тогда какое-то подразделение спецкомендатуры Нарымского округа. Барак тот, куда их определили, речка со скверным течением — Чая — давно смыла с высокого берега. Я его не видел.

Но смысл в том, что в этом бараке, по стенам ледяная изморозь, сначала умер мамин брат Сергей, потом сестра Ольга, а потом и Пелагея Константиновна.

- Знаешь, Сашка, - сказал мне уже давно один пожилой человек, - Знаешь, а я помню, как твою бабушку хоронили. На Больничной горе было тогда кладбище. Мороз — лютей. Февраль что ли. Помню как сани с гробом везла белая лошадь.

Кладбище то давно снесли. Как и другие. Где мои похоронены. (Говорят, по началу там люди не хотели селиться — на костях-то).

Рассказал по глупости маме. Она заревела.

- Да у меня тогда все щеки обледенели от мороза и слез. Лошадь белая...

И дальше — сплошным матом. Она умеет. Старая зечка (об этом — дальше).

Неполных 14. На руках — младший брат.

...Она их всегда величала и величает по имени-отчеству. Зарубины. Егор Федорович. Мария Ивановна.

Я их тоже никогда не видел.

Но они спасли мою маму и ее брата.

- Девка, - сказала Мария Ивановна, - пойдём к нам жить. Да с братом. Иначе сгниети же в этом бараке. Пойдем — не обидим.

Ну, как мама говорит, работать приходилось. Много. Хозяйство же.

- Мне хвалятся, что они (мама про некоторых соседок — прим. А.К) в войну работали. Да кто не работал? Сдохни бы иначе.

Тем более, что Зарубины, как и все местные, сами «пахали» так, что спины ломались.

А так хоть в тепле. Молдавские дети. По-русски еще ни бельмеса почти.

- Наварит Мария Ивановна картошки мерзлой, льняным маслом (темное такое) зальет. Едим. А потом как стошнит.

Но больше всего я люблю две светлые в общем-то истории. В этом ужасе особенно светлые.

История первая. Зима. Мороз. Маме не в чем вообще ходить.

- И вот Мария Ивановна мне и говорит: «Жень, у нас корова шерстная. Ты ее обчеши — волоса наберешь. Но она у нас приметная — рыжая. Но ты сходи — я договорюсь - к деду Филину. Он валенки катает. И у него немного черной шерсти есть. Пусть внутрь рыжую поставит, а поверх — черную.

Поясняю. Это Зарубина пошла под возможность уголовного дела. Тогда полагалось сдавать шерсть, свиные шкуры, молоко, масло топленое - государству. Ну как оброк. (Уж не помню по сколько кг. в год что, но сами только обрат пили). А тут тетка пожалела сиротинку. (У них сын — Максим —

на войне без вести пропал). В общем, рисковала тетка очень.

Стукачей, увы, тоже было в количестве. И органы не дремали. Где услышат запах паленой соломы (тогда так свиной шкуры палили) — тут как тут. Ну и - дело.

В общем, скатали в итоге маме валеночки. Хилые, конечно. Чуть плотнее нынешних шерстяных носков. Но ходить-то лучше чем босой.

История вторая.

С обучением молдавской девочки русскому языку.

В какой-то момент маму с братом, я так понимаю, заметили. Ну не все же уроды вокруг. А тут — хорошие дети, бедствуют. В общем, дядю Гришу взяли учеником плотника в комхоз (потом большим мастером-столяром стал), а маму позвали нянечкой к местной докторше. За ребенком ухаживать, и, конечно, по хозяйству — полы там, дрова, вода. Жили недалеко от больницы.

- Она мне говорит: «Женя, там в сенях больницы ящик с песком. Принеси полведерочка». Я пошла. А мороз — страшный. Замерзла. Захожу в сени больницы и реву. Мужик какой-то выходит: «Девочка, ты что плачешь?» Да вот, говорю еле-еле говоря, послали за каким-то песком, а я не знаю, что это такое». Насыпал он мне этого песка.

Песок после того рассказа для меня не просто инертный строительный материал.

Зато потом мама хвалилась:

- Я даже знаю, где запятыя ставить.

Со старшими сестрами выучилась. Сейчас не пишет и не читает — подслеповата и тремор.

... Мамины истории не переслушать. И не пересказать. Горькое. Как в самое худое время ходила побираться. По-русски толком не говоря. Как смеялись над ней некоторые местные. Кто две-три картошки подаст — радость. Не все же такие как Зарубины.

Зато мама с отцом выкормила-вырастила троих детей. И, 50 лет выжимая из себя все соки, дала всем троим получить высшее образование.

Забегая вперед. Мама всю жизнь работала уборщицей. А куда ее еще с тремя классами ЦППШ и с ее биографией? И всю жизнь работала так, что кости согнулись. Две коровы, две телки-бычка, три свиньи. 10 соток собственного огорода. Плюс соток 10 на стороне. И место для покоса хрен добудешь. Косили неудобу. Я всю литовку изшоркал по кочкам. Она же ногти не стригла — постоянное мытье картошки смывало ногти до крови.

Но с отцом они нас вырастили и выкормили. И выучили.

Ну, совсем лирическое отступление. Я иногда пытаюсь представить нашу встречу с бабушкой-дедушкой. Встречу русского филолога из ТГУ с моими молдавскими. Бабушка-то по-русски не говорила. Мы бы поняли друг друга?

... Потом в каком-то году (боюсь ошибиться) всех спецпереселенцев моложе 1927 г.р. вроде как отпустили домой. Вроде как исправились они тут, в Сибири-то.

Смешная история.

Поехали несколько человек. Без денег. На каких-то пересадочных. На крышах вагонов. По дороге, чтобы не пропасть, остановились фиг знает где. Мама не помнит. Работали в колхозе на уборке. То ли пшеницу, то ли овес жали. За еду.

Ну и что-то им там хлеба выдали по окончанию.

Доехали такие до Кишенева. Сидят себе на вокзале. Тоскуют. Местные бандитчики подсакивают к дуракам спецпереселенцам из глухой сибирской деревушки: «Вам куда билеты? Давайте паспорта и че у вас там еще есть». Ну, естественно, с концами. Как добралась до Бельцы — не помнит. А до Драгонешты, говорит, какой-то мужик сердобольный подвез. «Мам, говорю, а ты у меня, оказывается, авантюристка». Смеется — типа сейчас еще не то услышишь.

А в Молдавии — после войны разруха. У тетки Агафьи трое детей, и муж после войны вскоре умер.

Я как-то сдуру спросил — мам, а где он воевал?

- Ты совсем дурак что ли, ну где он мог воевать, если его в армию забрали румынскую.

Тетка Агафья, еще на моей памяти, пенсию получала 12 рублей. Году в эдак 1971-м. Жила в глинобитной избушке. С глиняными полами. Протирала их, увлажняла, каждый день. Мамалыгу резали черной ниткой. А дом деда моего — с деревянными полами - под школу отдали.

Гриша (тетки Агафьи младший) потом умер молодым — порок сердца. Жорка — средний — не знаю где. Знаю, что служил в СА. Но фото при моих переездах потерялись... Ольга — старшая дочь тетки Агафьи — тоже связь потерялась, увы.

... В общем, тетка Агафья в как-то далеком 195... сказала маме: «Женя, жить не что. Надо тебе замуж выходить».

- Он хороший был, Сергей, - мама на старости лет перестала меня стесняться в некоторых интимных темах (как и я ее), - один у родителей. Да неплохо жили.

Но потом за мной приехали...

В трудовой книжке у мамы двойная фамилия — Дубенко-Красноперова.

Остальные бумаги папаны пожег давно-давно. Ревнивый был. И характера слегка бешеного (но маму не обижал). Ой, это тоже — про папаню — отдельная история.

...В общем, забрали маму в комендатуру. Судили как за побег. А потом повезли.

Она, пока помоложе была, не удерживалась, чтобы соседок не шокировать:

- Что вы мне тут рассказываете? - в гневе от чего-то, - Да я все тюрьмы от Кишенева до Колпашево прошла.

Ну и про пересылки:

- Пошлют на каждой на просушку одежды — хрен потом натянешь, сморщится же вся от жары.

Привезли аккурат на то же самое место — пунктуально — откуда вроде и отпустили. Опять осень.

- Комендант сказал: «Иди на свое Рямовое, а завтра явишься утром. Жене тут надо картошку копать — поможешь. А там и другим поможешь. На картошку на зиму заработаешь. А там мы тебе работу найдем». А Егор Федорович с Марией Ивановной - ну, Зарубины - так обрадовались, когда меня увидели: «Женя вернулась!».

Нашли маме работу. 8 лет двуручкой лес — зимой и летом — валила.

Напарница у нее была никогда не виданная мной Анна Скрыпченко. Видимо, из украинок.

- Деда-то местные умелые были — внахлест стволы кладут. А мы две дуры как попало. Хлобысь в снег — и ищи там потом. И пилы деда разводить умели. А мы что? Две бабы. Ну не пилит она. Анна от злости — тресь-тресь по пиле топором. Только еще хуже становится. Вечером — мокрые по груди домой. Залезу на печку — хоть как бы согреться. А утром — да мокрая еще — снова в лес. А перед этим надо на Пальчик (это такой ручеечек — приток Чаи — прим. А.К.) надо за водой.

... А потом наступили более вегетарианские времена. Людей власть уже не ела. Ну, в открытую. В гигантских числах. Хотя бы.

А жизнь была тяжкая-тяжкая. Не так голодно, как в 42-43-м. Но тоже нехило. Спецкомендатуру в каком-то году отменили. Паспорта разрешили получить. То есть можно уехать. И большинство из выживших все-таки (мало кто) прибалтов уехали. А мама осталась. Потому что куда возвращаться-то? И уже задолго после выхода на пенсию полы в школе мыла. Потому что как на пенсию в 64 рубля жить и детей учить?

Ну коли совсем на откровенность, то еще одно лирическое отступление. Я классе в 10-м. Прихожу на первый урок. А накануне в школе какой-то праздник был. А попивали уже неумелые школьники. И кто-то наблевал в раковину в кабинете математики. А мама была дежурной уборщицей. И ее вызвали. И она эту блевотину убирает. И сосед по парте говорит мне: «Саш, а как она это может?». Друг был. Но я не сдержался: «Пошел ты, - говорю, - на х...». Лет 10 потом не разговаривал с ним. А подскочить и помочь маме не догадался. До сих пор переживаю.

А потом было строительство дома, и мама ногами глину месила. И щепу из огорода вытаскивала ведрами. А потом были на десятилетия стайка-коровы-бычки-свиньи. Три работы в сутки. На работе, по дому, и за детьми.

- Покос — только на небо и смотришь. Лишь бы сено успеть сгрести до дождя. Былая любимая поговорка мамы — в долгах не деньги, в копнах не сено. Ох, как работала. Ну и отец, конечно. Ну и я с ними)))

А еще одно лирическое отступление. Мама вечером прибежала домой:

- Сашка, бл...ть, еба...й рот, ты какого х...я натворил? Да посадят же тебя, придурка!

Это так случилось, что на комсомольском собрании я сказал, что мне пофиг все решения очередного, 26-го, съезда КПСС. В среде спецпереселенцев же вырос. Они хоть и немного и тайком рассказывали, но я вытягивал клещами — интересовался очень.

... Тут прошлым летом приезжала голландская журналистка Хестер ден Бур — ребята с ТВ-2 позвонили, попросили помочь — пристрой на покой, проведи по спецпереселенцам; она темой репрессий интересуется. В общем, рекомендовали как настоящего журналиста. Ну, отвел я ее сначала к Якову Борисовичу Варкентину. Голландцу. Которого немцем записали. Сталинский писарь комендатуры не знал, что есть такая нация — голландцы. Порассказал он ей много чего. «А еще — спрашивает. - куда можно поговорить?». Да влет, отвечаю. «А далеко?». Да две минуты ходьбы - к кому пойдём, к внуку высланных немцев Поволжья, к сыну высланных из Беларуси, к латышам, к татарам? Ну и пошли. После второй встречи Хестер (очень прилично русским владеет, и в России много где была — прим. А.К.), Хестер мне сказала: «Саша,

хватит, я уже все поняла, и ты же понимаешь, что в один материал все не вставить». Ладно, говорю — домой пошли, тем более что уже вечер, а мы целый день на ногах.

.. В общем, в 10 классе я уже понимал что к чему. А тут весна 1981-го. Съезд этот исторический. Шесть уроков за плечами. Солнце весеннее в окна давит. Духота. Уже далеко после обеда. А тут комсомольское собрание. Комсорг класса что-то бубнит в докладе про исторические решения. Народ дремлет. Пацаны на задней парте в «морской бой» сражаются. Я книжку читаю. Репринтное издание «Собачье сердце». Что мне по дружбе и тайком любимая библиотекарьша Татьяна Матвеевна дала почитать. Очухиваюсь от вопроса классной — мол, кто хочет высказаться? Все молчат. Классная — вот, наверное, Саша Красноперов. Меня и прорвало с дури молодой: а что это я-то? Вон весь класс сидит. Она настаивает. Тут я и вылепил: да мне пофиг на все решения! И сел задницей на за парту. Класс тихо одурел. И все молчат. Минут 5 проходит. Я говорю: так и будем молчать-сидеть? Молчат. Я книжку в портфель и говорю: тогда я пошел, я есть хочу, а вы сидите. И ушел. Пацаны помогли, из солидарности, — несколько за мной ушли. Нас, конечно, оставшиеся потом осудили за неправильное поведение. И протокол составили. Такие примерные. Но завуч по воспитательной работе делу ход не дала. Нормальная тетка. Только маме высказала: «Это вы его научили?». Да и вегетарианские времена. И райком комсомола так просто пожурил. Ну зачем им антисоветская «групповуха» для ухудшения отчетности.

Но маме я тогда седых волос много-много доставил:

- Да ты не знаешь, что они могут!

Плакала. Горько.

Я только спустя годы понял до доньшка. Что ей эта моя выходка стоила. Она же из своего опыта считала.

...А потом я уехал в Томск сначала на учебу, а потом на работу. И меня много лет не было. И она одна в Подгорном 8 лет ухаживала за тяжело заболевшим отцом. А потом еще — не мог я бросить работу — хотя через каждые 2 недели за 300 км. ездил — крайние два с лишним года жила одна.

А теперь больна. Очень. И мы пытаемся выкарабкаться. Хотя непросто. Мягко говоря.

Но мама очень мужественный человек. И терпеливо все — все эти неприятные медицинские процедуры — переносит. И не любит жаловаться.

Но память о прошлом — потрясающая.

Я надеюсь, что еще лет 10-15 протянет. На своих ногах. Помидоры тут сеет. В банки и землю, заранее, с осени, приготовленные. На подоконники ставит баночки. Никак срок вегетативного периода не преодолеть.

Сеет и что-то напевает.

А власти вообще и гаранта в частности не любит.

Еще одна любимая история. Уже давняя. Друг рассказал, что тогда в РТУ монтером работал.

- Краля (это моя подпольная кличка юности — прим. А.К.) - Краля, сломалось что-то с телефонной связью. Приехали. Нацепил я «когти». Залез на опору. А там внизу соседки повстречались. И что-то про выборы. И слышу как тетя Женя вдруг как разматерится. Типа да мне пох-..й все коммунисты, националисты и

такая х.-ня. Я знаю, что передо мной и моими умершими один только человек извинился — Ельцин». Я, говорит, чуть с опоры не упал от хохота, как соседки разбежались)))

Телик в последние годы принципиально не смотрит.

- Нехер мне мозги выносить.

А вообще мама очень-очень светлая. Хотя порой бывает безжалостной и жестокой. Я нередко от нее вздрагиваю. Жизнь ее так научила.

Пожелайте ей, пож-та. Порадуйтесь. Улыбнитесь.

P.S. Кстати, анекдот. Сегодня продлевал маме медицинский полис. Пришлось девушке консультироваться с кем-то и потом набирать вручную. Потому что разговорник компа не знает слов Драгонешты Сынжерейского района Молдавской ССР. Да, кстати, и вранье это — не было во время рождения мамы никакой молдавской ССР.

P.P.S. На днях получил посылку небольшую из Израиля. Аркаша Майофис, мой одноклассник по ТГУ и затем хороший товарищ, создатель лучшей региональной телекомпании России (ТВ-2, Томск — в прошлом году фактически убита властью) перебравшийся от греха подальше в Израиль и теперь там бизнесочком с вкусными продуктами занимающийся, решил меня (он меня считает приличным журналистом и человеком) и маму порадовать. «Вкусно» - сказала мама про израильский мед. Но все не так просто.

- Я так боялась, когда ты на почту поехал.

- Чего боялась?

- Что арестуют. Посылка же из Израиля. А еще Хестер в прошлом году была.

Мам, говорю ты что? Столько лет прошло, а ты забыть не можешь? За посылку арестуют?

Уж не стал ей говорить, что я несколько раз был интервьюером-экспертом посольства США. Она бы совсем распереживалась.

- Сашка, да за себя уже не боюсь. За тебя боюсь. Ты не знаешь, что они могут сделать. Вон что вокруг творится. Я же не дура. Ну что ты все время куда-то «лезешь»?

Да, у человека, столько пережившего, свои память и представления о жизни.

Видимо, не вытравить. Хотя временами у меня получается.

А мед и правда очень вкусный. Ароматный. Мама — с удовольствием. Душу все же ей эта посылка согрела. Что ее и ее Сашку помнят. Помнит, как обогрели ее девчонкой десятки лет назад равнодушные и совестливые люди. Которых помнит. И которых величает.

Светлый мама человек. Не потерявший себя в том ужасе.

Александр Красноперов.

01.2016 - 17.04. 2016.

7-е января 2018.

Мамины истории не переслушать, но эту хочу записать. Хотя и без того запомню.

История такая.

То ли 1942-й, то ли 43-й. Зарубиным, у которых мама с младшим братом

Гришей жили и которые, как уже говорил, их, по сути, спасли, так вот принесли Зарубиным официальное извещение, что их сын Максим на фронте без вести пропал. Отплакали. И решили портрет сына повесить на стену. В рамочке, под стеклом.

- Рамочка — дело нехитрое: столярка под боком. А стекла-то нет! И вот Мария Ивановна говорит Грише: «Там барак есть пустой - ты, когда стемнеет, сходи стекло одно вытащи», - Ох, как я тогда плакала, - вспоминает мама с высоты лет уже легко, - Так плакала! Поймают если — всех же посадят. Но и отказать же нельзя — не по-людски это. ...Все обошлось.

Мама бесконечна.

- Да пошли вы, - говорю им, - пошли вы нахер!

Какой-то год поздней Советской власти, где-то уже глубоко в 1980-х. Тетя Поля попивала уже. Что правда то правда. И из строгого завуча ПСШ стала дневальной в интернате.

- Сашка, - «грузила» меня на уроках, и как ученика и как племянника, - Сашка, тебе только быкам хвосты крутить!

Тетя Поля - в моем детстве жена дяди Гриши, маминого брата.э Того, кого мама выъ из смертельного барака спецпереселенцев в 40-е. И вот спустя лет 25...

Мама сейчас вспомнила — как будто перед глазами...

Пошли вы, - говорю, - нахер! Нашли кого судить! ... А он потом со мной полгода не здоровался. А я глаза опускала.

Поясняю.

Дядя Гриша Белокозенко... Хельга Эльмаровна